

Генеральная Ассамблея

Пятьдесят пятая сессия

Официальные отчеты

Distr.: General
3 January 2001
Russian
Original: English

Шестой комитет

Краткий отчет о 20-м заседании,

состоявшемся в Центральном учреждении, Нью-Йорк, во вторник, 31 октября 2000 года, в 10 ч. 00 м.

Председатель: г-н Полити ..... (Италия)

Содержание

Пункт 159 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят второй сессии (*продолжение*)

В настоящий отчет могут вноситься поправки. Поправки должны направляться за подписью одного из членов соответствующей делегации *в течение одной недели после даты издания* на имя начальника Секции редактирования официальных отчетов, комната DC2-750 (Chief, Official Records Editing Section, room DC2-750, 2 United Nations Plaza).

Поправки будут изданы после окончания сессии в отдельном для каждого комитета документе, содержащем только исправления.

Заседание открывается в 10 ч. 15 м.

Пункт 159 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят второй сессии (продолжение) (A/55/10)

1. **Г-н Бекер** (Израиль) говорит, что он решительно поддерживает позицию, согласно которой государства могут осуществлять дипломатическую защиту исключительно по своему усмотрению, ибо такая защита связана с оценкой сложных вопросов, касающихся внешней политики и национальных интересов. В целом он считает, что государство может поддерживать иск гражданина *bona fide* против третьего государства, не будучи обязанным демонстрировать эффективную связь с этим гражданином; в этой связи он отмечает, что дело *Ноттебома* не затрагивает общего вопроса взаимоотношений между гражданами и государствами. Однако может оказаться необходимым установить ограничения во избежание злоупотреблений, в частности в случаях, когда гражданство приобретается недобросовестно.

2. Что касается двойного или множественного гражданства, то он поддерживает принцип, изложенный в проекте статьи 7, однако изъявляет согласие с тем, что вопрос о координации осуществления дипломатической защиты между двумя или более государствами следует рассмотреть более подробно.

3. В принципе он поддерживает подход, нашедший отражение в проекте статьи 8. Тем не менее могут понадобиться дополнительные ограничения, ибо лица без гражданства и беженцы подпадают под различные правовые режимы, предусматривающие конкретные обязательства государств.

4. Коснувшись проекта статей об односторонних актах государств, он вновь выразил свою точку зрения о том, что попытка установить строгое юридическое определение таких актов будет противоречить фактической практике государств. Однако он признает наличие общей поддержки дальнейшего рассмотрения этой темы. Поэтому он приветствует предложение об изучении различных категорий односторонних актов и выражает согласие с тем, что первоначально следует сосредоточить внимание на актах, создающих юридические обязательства для государств,

совершающих такие акты. Он одобряет также принцип, согласно которому речь должна идти об актах, правовые последствия которых не предопределяются договорным или обычным правом.

5. Он приветствует замену слова «декларация» словом «акт», а также слово «обязательство» словами «правовые последствия» в проекте статьи 1; он считает, что односторонние акты ведут не только к юридическим обязательствам, но и к приобретению или сохранению прав. Однако он выражает сожаление по поводу замены слова «публично» фразой «о котором известно этому государству или этой международной организации», ибо это может означать, что односторонний акт будет иметь правовые последствия, даже если о его существовании стало известно государству, в отношении которого он был совершен, косвенными путями. Поэтому он поддерживает предложение добавить в определение слова «о котором было объявлено государством, совершившим акт». Кроме того, он считает, что в проект статьи 1 необходимо однозначно включить требование о том, чтобы односторонние акты соответствовали международному праву, в частности императивным нормам.

6. Что касается проекта статьи 3, то следует указать, что односторонние акты, имеющие неизбежное международное воздействие, могут совершаться не только главой государства или правительства или министром иностранных дел, но и при определенных обстоятельствах другими должностными лицами; проект статьи следует изменить, с тем чтобы он отражал строгие ограничения, применимые в таких случаях.

7. Формулировка проекта статьи 4 явно предпочтительнее предыдущих вариантов; нынешний подход обеспечивает государствам, совершающим акт, большую гибкость, допуская последующее подтверждение акта, совершенного неуполномоченным лицом.

8. В пункте 7 статьи 5 нет необходимости. Неуместно упоминать только коллизию с решением Совета Безопасности в качестве основания для объявления одностороннего акта недействительным; вместе с тем было бы контрпродуктивно включать исчерпывающий

перечень таких оснований. Лучше решить этот вопрос посредством включения требования о законности в определение односторонних актов (проект статьи 1).

9. Наконец, он настоятельно призывает Комитет рассмотреть различные вопросы, не обсуждавшиеся в докладах Специального докладчика, включая срок действительности одностороннего акта, возможность отзыва одностороннего акта и действительность коллидирующих односторонних актов, сформулированных различными уполномоченными представителями государства.

10. **Г-н Янда** (Чешская Республика) говорит, что в связи с проектом статей о дипломатической защите возникает ряд достойных размышления вопросов, которые выходят за рамки традиционного подхода к теме и соответствуют современным тенденциям развития международного права. В частности, он одобряет новаторский подход Специального докладчика к дипломатической защите как к инструменту защиты прав человека. Однако не следует преувеличивать взаимосвязь между этими двумя темами; государства могут выступать в защиту своих граждан в ситуациях, когда было совершено международно-противоправное деяние, которое не является нарушением прав человека, и в любом случае дипломатическая защита может осуществляться от имени юридических лиц.

11. Хотя отраженный в проекте статьи 4 принцип заслуживает внимания, любой вывод должен основываться на практике государств, ибо не всегда ясно, предписывает ли внутреннее законодательство государству принимать меры в интересах своих граждан или оно лишь дает гражданам, находящимся за рубежом, право на консульскую защиту.

12. Хотя проект статьи 6 составлен полностью в духе дела *Ноттебома* и в соответствии с нынешней международной практикой, лежащий в его основе принцип может привести к проблемам в плане применения. Трудно представить себе ситуацию, в которой преобладание гражданства государства-истца настолько бесспорно, что даже государство-ответчик не будет препятствовать осуществлению им дипломатической защиты. Заявление о том, что «любое сомнение по поводу наличия эффективного или преобладающего гражданства между государством-истцом и государством-ответчиком

должно решаться в пользу государства-ответчика» (A/55/10, пункт 474), вряд ли может считаться удовлетворительным и, в сущности, еще более ставит под сомнение полезность этого положения. Поэтому он с нетерпением ожидает результатов дальнейшей работы Комиссии по проекту этой статьи.

13. Что касается проекта статьи 8, то он согласен со Специальным докладчиком в том, что отсутствие какой-либо клаузулы о дипломатической защите в существующих конвенциях о лицах без гражданства и беженцах является недосмотром, который надлежит исправить.

14. В заключение он выражает обеспокоенность в связи с тем, что использование прилагательного «дипломатический» в качестве слова, определяющего «защиту», предполагает, что такая защита всегда будет означать оказание мирного содействия потерпевшим гражданам. В этой связи он приветствует решение Комиссии не рассматривать применение силы в связи с дипломатической защитой в рамках своих будущих обсуждений по этой теме.

15. **Г-н Грасселли** (Словения) говорит, что современная реальность делает необходимым рассмотрение взаимосвязи между правами человека и дипломатической защитой, хотя последняя должна осуществляться лишь в тех случаях, когда отсутствуют международные механизмы. Однако преимуществом традиционной дипломатической защиты является то, что она обеспечивает упорядоченное рассмотрение многочисленных исков, дипломатические каналы для ведения переговоров и урегулирования и возможности участия государств в осуществлении норм права; физическим лицам не приходится подавать иски от своего имени.

16. Он согласен с предыдущим Специальным докладчиком в том, что государства не могут применять силу при осуществлении дипломатической защиты. Статью 51 Устава Организации Объединенных Наций нельзя использовать в качестве правовой основы для вооруженного вмешательства в целях защиты граждан, и с учетом злоупотреблений, имевших место в прошлом, и современных обязательств erga omnes этот вопрос не может рассматриваться в контексте дипломатической защиты, хотя не

исключено его рассмотрение в каких-либо иных рамках. Поэтому было бы желательно включить формулировку на этот счет.

17. Проект статьи 4 неразрывно связан с вопросом о том, могут ли физические лица подавать свои иски и одновременно пользоваться дипломатической защитой, и этот вопрос нуждается в дальнейшем рассмотрении.

18. Он задает вопрос о том, могут ли одни и те же принципы применяться к физическим и юридическим лицам в случаях двойного гражданства; по его мнению, положения проектов статьей 5–8 должны касаться лишь физических лиц. Осуществление принципа о том, что все вопросы, касающиеся приобретения какого-либо конкретного гражданства, должны регулироваться государством, о гражданстве которого идет речь, не должно доходить до того, чтобы законодательство одного государства подрывало суверенитет другого. Таким образом, проект статьи 6 следует изменить, чтобы исключить случаи, когда потерпевший гражданин является жителем государства-ответчика.

19. Он приветствует включение беженцев в проект статьи 8. Кроме того, государство должно иметь право осуществлять дипломатическую защиту в тех случаях, когда не существует эффективной связи между гражданином и государством, если у гражданина нет эффективной связи с государством-ответчиком. В принципе, государства имеют право защищать своих граждан и не должны быть обязаны доказывать это свое право, за исключением конкретных случаев, упомянутых в проектах статей 6 и 8. Аналогичным образом, в случаях двойного гражданства оба государства имеют право на осуществление дипломатической защиты либо совместно, либо по отдельности в отношении третьих государств. В тех случаях, когда связь гражданина с обоими государствами является слабой и лицо законно проживает в государстве-ответчике, необходимо доказывать добросовестное приобретение гражданства. Что касается других вопросов, подпадающих под эту тему, то оратор выражает надежду, что Комиссия рассмотрит защиту корпораций и сохранение гражданства в будущем.

20. Он подчеркивает различие между односторонними актами и договорами и приветствует тот факт, что государствам будут

вновь направлены вопросы; Венская конвенция о праве договоров 1969 года не должна играть решающую роль в этом вопросе. Он согласен с тем, что эти акты не зависят от норм договорного или обычного права и их правовые последствия не предопределяются этими правовыми нормами. Пока можно исключить из рассмотрения международные операции, не отраженные в праве договоров, как-то лишение права возражения.

21. Независящие акты не могут быть юридически действительными, если со стороны других государств не последовало ответа; таким образом, одностороннее заявление о непрерывности правопреимства государств не имеет правовых последствий, если оно не было признано другими государствами.

22. Слишком рано рассматривать вопрос о проведении разграничения между общими правилами, применимыми ко всем односторонним актам, и конкретными правилами, применимыми к отдельным категориям таких актов. Лучше всего сосредоточить усилия сначала на односторонних актах, которые ведут к возникновению обязательств для государства, совершающего акт, хотя последние события показывают, что сосредоточение внимания на актах, соответствующих позиции государства или конкретной ситуации или факту, облегчит сбор информации о практике государств.

23. Проекты статей 2 и 3 следует изменить, с тем чтобы отразить то обстоятельство, что национальные парламенты также уполномочены формулировать односторонние акты от имени государства. Кроме того, в отношении проекта статьи 5 Комиссии надлежит рассмотреть вопрос о действительности односторонних актов, прежде чем рассматривать вопрос об их недействительности.

24. Он приветствует проект руководящих указаний об оговорках к договорам. В частности, он считает, что установление 12-месячного срока для возражений к поздним оговоркам вполне обоснованно. Он отметил также, что нынешний вариант проекта руководящих указаний не содержит упоминания о правопреимстве государств, ибо все касающиеся этого вопросы будут рассмотрены в отдельной главе; он настоятельно призвал учитывать в этом контексте статью 20 Венской конвенции о правопреимстве государств в отношении договоров 1978 года. В частности, нет

оснований не допускать поздние оговорки в течение 12 месяцев с момента представления государством уведомления о правопреемстве.

25. Он надеется, что в будущем Комиссия рассмотрит вопросы ответственности международных организаций, изгнания иностранцев и природных ресурсов, принадлежащих двум или нескольким государствам.

26. **Г-н Лаваль Вальдес** (Гватемала), выступая по вопросу об односторонних актах государств, говорит, что, несмотря на осознание всей сложности этого вопроса, он не разделяет мнение о том, что невозможно разрабатывать общие правила, применимые к односторонним актам; кроме того, он не считает, что безусловно скудная информация о практике государств является непреодолимым препятствием. Он не убежден также в том, что необходимо будет разделить тему на общие правила, применимые ко всем односторонним актам, и конкретные правила, применимые к отдельным категориям односторонних актов. Единственный аспект односторонних актов, который, по всей видимости, требует конкретных правил, касается вопроса о том, могут ли они отзываться и каким образом.

27. Он не считает, что чисто физический акт может быть односторонним актом по смыслу проекта статей, и поэтому находит последовательное употребление глагола «формулировать» уместным. Для целей ясности можно добавить положение о том, что односторонние акты могут формулироваться устно или письменно. Не может односторонний акт состоять и из простого бездействия. Из этого следует, что молчание нельзя считать односторонним актом по смыслу статей, хотя, возможно, имеет смысл обсудить его в будущей второй части проекта статей, посвященной правовым последствиям актов.

28. Во избежание путаницы в случаях, когда формулирование односторонних актов подразумевает, но не указывает конкретно на некоторые правовые последствия, после слов «вызвать правовые последствия» в проекте статьи 1 необходимо добавить фразу «или таким образом, который неизбежно подразумевает возникновение таких последствий». Не следует считать, что слово «недвусмысленное», характеризующее

«волеизъявление государства», в определении равнозначно слову «явное». Подразумеваемое или скрытое изъявление воли может быть недвусмысленным. Его делегация согласна с редакционным исправлением в определении, упомянутом в первом предложении пункта 559 доклада Комиссии (A/55/10).

29. Было бы желательно добавить новую статью, предусматривающую, что проект статей не применяется к зависимым односторонним актам или, напротив, применяется лишь к автономным актам. В противном случае можно допустить, что проект статей охватывает односторонние акты, зависящие от договора, как-то ратификацию или оговорки. В статье, составленной по образцу статьи 3(b) Венской конвенции о праве договоров, можно предусмотреть, что ничто не препятствует применению положений проекта статей к зависимым односторонним актам.

30. С некоторыми изменениями и с определенной гибкостью можно адаптировать в качестве новых проектов статей об односторонних актах и другие статьи Венской конвенции о праве договоров, в частности статьи 4, 27, 31, пункт 1, 39, 43, 45, 46, 61, 62, 63, 64, 65 и 69–72.

31. Что касается недействительности, то было бы полезно добавить новую статью, предусматривающую, что односторонний акт является недействительным или по крайней мере неприменимым в отношении государств, являющихся участниками одного и того же договора с государством, формулирующим акт, если этот акт не совместим с договором и государства-участники не признают его.

32. Вкратце упомянув о нескольких моментах, он говорит, что он согласен с тем, что законодательный орган может формулировать односторонний акт по смыслу проекта статей. Он согласен также с тем, что термин «согласие» в пункте 1 статьи 5 является неуместным и что он разделяет сомнения других ораторов относительно резонности пункта 8 статьи 5. В заключение он выражает мнение, что может оказаться полезным предусмотреть, чтобы односторонние акты или некоторые их категории регистрировались в соответствии со статьей 102 Устава Организации Объединенных Наций.

33. **Г-н Сепульведа** (Мексика) говорит, что за истекшие четыре года в проект статей об

ответственности государств были внесены существенные изменения, в большинстве своем позитивные, и что перспектива завершения работы в 2001 году по теме, которая потребовала более 50 лет неустанных усилий, весьма обнадеживает. Однако его делегация серьезно обеспокоена решением отложить в сторону вопрос об урегулировании споров. В столь важном вопросе, как ответственность государств, без механизма урегулирования споров текст будет неполным, а эффективность и применение принципа ответственности будут ослаблены.

34. Новый подход к разграничению между преступлениями и правонарушениями государства способствовал урегулированию спорного вопроса, касающегося бывшей статьи 19, посредством ссылки на концепцию серьезных нарушений важнейших обязательств перед международным сообществом в целом и переноса ее во вторую часть, которая связана с последствиями нарушений многосторонних обязательств и осуществлением ответственности государств. Что наиболее важно, в новой статье 49 государству, независимо от того, было ли оно само пострадавшим государством, предоставляется право ссылаться на ответственность другого государства, если нарушенное обязательство было дано группе государств, включая это государство, или международному сообществу в целом.

35. Наиболее противоречивым вопросом является режим контрмер, содержащийся в новой статье 54, согласно которому государство, определяемое в статье 49, может принимать контрмеры по просьбе или от имени любого государства, пострадавшего от нарушения. В этой же статье предусматриваются также контрмеры, возможно и коллективные контрмеры, в случаях серьезных нарушений важнейших обязательств перед международным сообществом в целом.

36. Установление факта такого серьезного нарушения представляется, в принципе, вопросом, который надлежит рассматривать в рамках главы VII Устава Организации Объединенных Наций, и ответ на такое нарушение уже предусмотрен в Уставе. Неуместно изменять принципы Устава, допуская коллективные контрмеры, принимаемые в одностороннем порядке, без участия центрального органа международного сообщества, оставляя на

усмотрение отдельного государства принятие решения о том, было ли совершено серьезное нарушение, какие контрмеры надлежит принимать и при каких обстоятельствах их следует снимать. Полномочия, возникающие в рамках такой системы, не совместимы с организационной системой, созданной в 1945 году.

37. Вопрос о контрмерах был противоречивым с самого начала. Хотя в новых проектах статей установлены строгие ограничения на применение контрмер, в них все же сохранена значительная возможность произвольных действий, особенно с учетом того обстоятельства, что их отделили от механизмов урегулирования споров. Проект статей должен быть соответственно ограничен установлением последствий международно-противоправного деяния в плане репарации или прекращения.

38. Весьма удивительно, что контрмеры были приравнены к другим правовым категориям, как-то соблюдение норм *jus cogens*, осуществление права на самооборону, форс-мажор, действие перед лицом серьезной угрозы, необходимости или согласия. Если на усмотрение стороны, принимающей контрмеры, будет оставлено слишком много, это может нарушить баланс, необходимый для обеспечения всеобщего принятия проекта статей.

39. Он не убежден в необходимости создания различных категорий обязательств, нарушение которых будет приводить к ответственности государств. Масштабы и характер нарушения будут определять последствия противоправного деяния согласно главам I и II Части второй без необходимости категоризации.

40. Использование термина «международное сообщество в целом» может создать путаницу и привести к возникновению проблем при толковании и практическом применении проекта статей. Непонятно, следует ли понимать, что это сообщество состоит только из государств или включает других субъектов права. Поэтому его делегация поддерживает предложение о том, чтобы заменить «международное сообщество в целом» словами «государств в целом».

41. Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что проект статей регулирует ответственность в отношениях между государствами — достаточно сложную область, и на

нынешнем этапе кодификация должна ограничиваться именно этим типом ответственности. Поэтому проект статей наделяет исключительно государства полномочиями ссылаться на ответственность и не распространяет действие устанавливаемого в нем правового режима на международные организации, другие учреждения и физических лиц. На более позднем этапе, когда эта система продемонстрирует свою эффективность, может оказаться возможным кодифицировать другие формы обращения к ответственности государств.

42. Что касается конкретных статей, то он поддерживает общую направленность статей 16, 17 и 18, посвященных ответственности государства в отношении противоправных деяний другого государства, однако считает, что нет необходимости в том, чтобы для наступления ответственности государство, содействовавшее, направлявшее или принуждавшее другое государство, делало это со знанием обстоятельств совершаемого акта; должно быть достаточно того, чтобы этот акт был международно-противоправным, если бы его совершило это государство. Знание обстоятельств в этом случае подразумевается, и установление явно выраженного условия в тексте создает два различных, но кумулятивных критерия, которые будут осложнять установление ответственности.

43. Название второй части «Содержание международной ответственности государства» можно было бы улучшить. Эта часть касается характера, последствий и осуществления международной ответственности государства — вопросов, которые недостаточно хорошо отражены термином «содержание». Глава I Части второй представляет собой весьма удачное добавление, ибо она обеспечивает увязку с Частью первой и тем самым проясняет основную структуру проекта статей. В статье 30 обращено особое внимание на важнейшие элементы прекращения и неповторения.

44. В главе II Части второй Комиссия достигла удачного равновесия между формами репараций за ущерб, нанесенный в результате международно-противоправного деяния, и особо подчеркивается требование полной репарации, но предусматривается достаточная гибкость, с тем чтобы обязательство не становилось чрезмерно обременяющим. В проекте статей проявлен правильный подход и предпочтительной формой

репарации выступает реституция, но вместе с тем допускается компенсация, если реституция сопряжена с бременем, не пропорциональным выгоде, если реституция или компенсация невозможны, то последним средством является сатисфакция.

45. Отметив замечание Специального докладчика о том, что положения об урегулировании споров могут подождать до тех пор, пока не будет сформулирован окончательный текст проекта статей, оратор выражает предпочтение полному комплексу проекта статей, включающему положения об урегулировании споров. Сложная система, нашедшая отражение в проекте статей, и многочисленные конфликты, которые могут возникнуть в результате их практического применения, указывают на необходимость процедур урегулирования споров, независимо от того, какую окончательную форму может принять проект статьи. Его делегация предпочла бы, чтобы он принял форму конвенции. Только обязательный к соблюдению документ может обеспечить гарантии и определенность, необходимые для получения репараций пострадавшими государствами. Государства имеют тенденцию относиться с пренебрежением к так называемому “soft law”. Сомнительно, чтобы декларация внесла существенный вклад в кодификацию международного права, потребовавшую 50-летних усилий.

46. Что касается дипломатической защиты, то имеется существенный объем государственной практики, и вполне возможно кодифицировать в относительно короткие сроки соответствующие международные нормы и принципы. Эта тема вполне может охватывать также элементы прогрессивного развития международного права, однако для успеха работы Комиссии и обеспечения общего согласия необходимо отразить систематическую международную практику.

47. Дипломатическая защита представляет собой процедуру, когда государство выступает с претензией от имени одного из своих граждан в ответ на совершенное другим государством международно-противоправное деяние, нанесшее ущерб, который невозможно исправить никакими иными законными средствами. Для осуществления такой защиты необходимо, чтобы удовлетворялся ряд основополагающих требований. Во-первых,

нужно, чтобы государство нарушило свои международные обязательства при совершении противоправного деяния. Во-вторых, негражданину или его собственности должен быть причинен ущерб, явно вызванный этим деянием. В-третьих, необходимо, чтобы этому негражданину было отказано в правосудии. В-четвертых, соответствующее лицо должно иметь эффективную связь гражданства с защищающим государством или, в исключительных обстоятельствах, в отсутствие гражданства, такое лицо должно иметь весьма тесную связь с защищающим государством. В-пятых, вопрос о том, следует ли осуществлять в данных обстоятельствах дипломатическую защиту, остается на усмотрение государства, гражданином которого является лицо, пострадавшее от противоправного деяния, совершенного другим государством. Иными словами, это право принадлежит не физическому лицу, а государству, гражданином которого оно является, и оно осуществляется по его усмотрению, о чем свидетельствует государственная практика. Наконец, защита может осуществляться лишь в той степени, которая допустима согласно международному праву, и с единственной целью получения репарации за ущерб, нанесенный гражданину. Ни при каких обстоятельствах дипломатическая защита не может предусматривать применение силы. Он отмечает, что Комиссия осуждала вопрос о применении силы, хотя положения Устава Организации Объединенных Наций и международной юридической практики на этот счет совершенно ясны.

48. Он обращает внимание на еще три момента, вытекающие из доклада Специального докладчика. Первый касается взаимосвязи между дипломатической защитой и правами человека. Важно отметить, что дипломатическая защита представляет собой широкую концепцию, которая не должна ограничиваться вопросами прав человека или, в сущности, увязываться с каким бы то ни было одним единственным вопросом. Это было бы контрпродуктивно и не обеспечило бы учета характера существующих стандартов прав человека. Конечно же, дипломатическая защита может предоставляться в случаях, касающихся нарушений прав человека, но, как и во всех других случаях, она должна уважать основные правила и принципы, которые он упомянул выше.

49. Удивительно, что Комиссия не включила упоминание об отказе в правосудии и не намерена сделать это на том основании, что это относится к первичным нормам. Однако это обоснование нарушает основополагающий принцип дипломатической защиты: чтобы ущерб вменялся в вину государству, необходим отказ в правосудии, в том смысле, что более нет никакой возможности получения репарации или сатисфакции от государства, которому вменяется в вину данное деяние. Процедура дипломатической защиты может начинаться лишь после исчерпания всех местных средств защиты. Первичные и вторичные нормы не являются незыблемыми, и разграничение между ними не всегда бывает совершенно четким. Исчерпание местных ресурсов и отказ в правосудии являются принципами, которые нельзя исключать из проекта, посвященного столь важному вопросу.

50. Наконец, не был, как представляется, рассмотрен принцип предыдущего отказа удовлетворить какую-либо просьбу о дипломатической защите. Как в конституциях, так и в практике латиноамериканских стран имеются случаи, когда неграждане осуществляют деятельность на территории какого-либо государства на условиях, преобладающих в законодательстве этого государства, при том понимании, что они будут рассматриваться в качестве граждан и не будут искать дипломатической защиты у государства, гражданами которого они являются, в областях, касающихся этой деятельности. Было бы неуместно, если бы негражданин обращался с просьбой о дипломатической защите в таких случаях. Ответственность государств и дипломатическая защита остаются тесно связанными в качестве основ международного права. Поэтому Комиссии надлежит собрать все необходимые элементы — кодифицировать практику государств и, где это необходимо, сформулировать новые правила, отражающие прогрессивное развитие международного права.

51. **Г-н Фернандес Валони** (Аргентина) говорит, что представляется правильным вести кодификацию вторичных норм, касающихся дипломатической защиты, которая просто носит характер особого случая в более значительных рамках ответственности государств, но это не меняет того факта, что такая защита является дискреционным

правом, принадлежащим соответствующему государству. Дипломатическая защита является полезным средством, с помощью которого государства могут защищать своих граждан за рубежом в случаях, когда неприменимы другие, установленные в более позднее время и теоретически более удовлетворительные средства. Он имеет в виду систему международной защиты прав человека или разнообразные механизмы защиты инвестиций, которые базируются на прочно установившихся принципах, вытекающих из норм дипломатической защиты. В связи с этим следует искать золотую середину между двумя крайними точками зрения: между идеей о том, что последние изменения в международном праве привели к устареванию концепции дипломатической защиты, и идеей о том, что дипломатическая защита представляется более эффективным способом защиты индивида. Обе эти идеи могут быть обусловлены похвальным желанием укрепить защиту индивида и его прав, однако обе они представляются крайне упрощенческими.

52. Следует признать преимущества и недостатки обоих направлений деятельности и широкие различия в их правовой, политической и моральной основе, не забывая о крупных различиях между их осуществлением на региональном уровне. Региональные механизмы носят дополняющий, а не взаимоисключающий характер, и все же было бы ошибкой перегружать их, возлагая на них излишне высокие надежды. Он разделяет озабоченность представителя Мексики в отношении обсуждения проекта статьи 2. Запрет угрозы силой или ее применения как средства дипломатической защиты имеет решающее значение, и невключение его в проекты статей было бы шагом назад, противоречащим доктрине Драго, которой уже почти 100 лет, и Портерской конвенции об ограничении в применении силы при взыскании по договорным долговым обязательствам, которая породила норму, закрепленную в пунктах 3 и 4 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций.

53. Заслуживает рассмотрения вопрос о дипломатической защите юридических лиц. Международная практика позволяет государствам возбуждать иски по поводу ущерба, нанесенного их деловым предприятиям за рубежом, независимо от признания или непризнания того, что юридические лица имеют «гражданство», и эта позиция нашла

признание в теории и прецедентной практике. В связи с этим в проектах статей можно было бы и следовало бы рассмотреть этот вопрос, памятуя об обязательных различиях между юридическими и физическими лицами с точки зрения дипломатической защиты. В этот вопрос можно было бы внести ясность, если бы Комиссия на данном этапе сосредоточила свое внимание на защите физических лиц, прежде чем переходить к вопросам о юридических лицах.

54. Что касается конкретных вопросов, поставленных Комиссией в пункте 24 ее доклада, то его делегация соглашается с представителем Франции в том, что Комиссии следует меньше уделять внимания условиям предоставления гражданства и уделять больше внимания обстоятельствам, которые делают связь между индивидом и государством неоспоримой третьим государством. Представляется невозможным избежать ссылки на понятие эффективной или, пожалуй, более правильно, подлинной связи. Понятие подлинной связи носило бы, само собой разумеется, относительный характер, поскольку его применение зависело бы от индивидуальных обстоятельств.

55. Второй, процедурный по своему характеру, вопрос Комиссии связан с бременем доказательства эффективной связи между гражданином и государством. Его делегация полагает безосновательным возлагать *onus probandi* на защищающее государство, которому уже пришлось бы доказывать существование связи для успешного иска. Требовать от него демонстрации эффективности связи было бы излишним, а поэтому было бы лучше возложить бремя доказывания на государство, к которому обращена просьба.

56. То же самое относится и к четвертому вопросу: если государство, к которому обращена просьба, может показать, что лицо, несмотря на обладание гражданством защищающего государства, не имеет действительной связи с ним, то такое лицо не подпадает под дипломатическую защиту. Иными словами, если просящее государство доказывает наличие связи, а государство, к которому обращена просьба, не может продемонстрировать, что эта связь не является оспоримой, то требование о гражданстве было бы выполнено.

57. Множественное гражданство является совершенно иным вопросом. Как показывают дело *Салем* и решение Международного Суда по делу *Барселона трекин*, можно возбуждать одновременные иски от имени лица с двойным гражданством, хотя отсутствие действительной связи с одним из этих государств могло бы противодействовать осуществлению этим государством права на защиту. Защита со стороны государства от имени гражданина, имеющего действительную связь с ним, в тех случаях, когда этот гражданин является одновременно гражданином другого государства, с которым он имеет более слабую связь, не пользуется достаточной поддержкой в международной практике. К примеру, по делу *Салем* было заявлено, что, если обе стороны считают то или иное лицо своим гражданином, то ни первое, ни второе не могут возбуждать иск от его имени против друг друга. Вместе с тем следует изучить варианты, предложенные Специальным докладчиком. Например, могло бы представляться позволительным, чтобы государство гражданства имело право возбуждать иск против другого государства, гражданством которого обладает этот индивид, если последнее государство не входит в состав того или иного регионального или глобального механизма по правам человека. Что касается последних двух вопросов относительно ситуации, связанной с апатридами и беженцами, то он полагает, что полезной исходной основой являются предложения *de lege ferenda*, а именно о том, что на эти вопросы следует ответить утвердительно.

58. Что касается односторонних актов государств, то его делегация, довольно подробно выступившая по этому вопросу на пятьдесят четвертой сессии, ограничится комментариями в отношении аспектов, упомянутых в пункте 621 доклада. По первому аспекту его делегация согласна с тем, что, исходя из принципа *lex specialis derogat legi generali*, тот или иной односторонний акт, регулируемый договорным или особым обычным правом, не должен подпадать под сферу охвата проектов статей. Вместе с тем не следует придавать излишне большого значения этому различию; некоторые нормы в подобных сферах могли бы иметь актуальное значение. Односторонний акт не может существовать в правовом вакууме; источником его действительности является его включение в

международный правовой порядок. Что касается различия между общими нормами, которые могут быть применимы ко всем односторонним актам, и конкретными нормами, применимыми к отдельным категориям односторонних актов, то он полагает, что одна из целей работы Комиссии заключается в том, чтобы из имеющегося материала вывести общие принципы. Следует дополнительно поработать над категоризацией каждого вида односторонних актов и формированием окончательных мнений относительно норм для общего применения. В связи с этим было бы правильным сначала сосредоточиться на обещаниях. Комиссии следует провести детальное исследование богатой практики государств в этой связи. Изучение обещаний в частности и односторонних актов в целом в рамках различных правовых систем могло бы быть действительно очень полезным при проведении различий между разными общеправовыми принципами.

59. **Г-н аль-Бахарна** (Бахрейн) в общих чертах излагает историю рассмотрения Комиссией третьего доклада об односторонних актах государств (A/CN.4/505), в котором содержатся шесть пересмотренных проектов статей по этой теме. Из-за нехватки времени Рабочая группа не смогла рассмотреть новый проект статьи 5. Тем не менее целый ряд вопросов, который был упомянут в пункте 621 доклада Комиссии (A/55/10), был в значительной мере поддержан в Рабочей группе.

60. Он привлекает внимание к рассмотрению Специальным докладчиком трех предварительных вопросов: актуальность этой темы, взаимосвязь проекта статей и Венской конвенции о праве договоров и эстоппель и односторонние акты, о которых идет речь в пунктах 9–27 его доклада. Вместе с тем не было необходимости в том, чтобы поднимать вопрос об актуальности этой темы, поскольку он уже был разрешен в 1997 и 1998 годах, когда Комиссия приняла эту тему к рассмотрению на том основании, что ее поддерживает практика государств.

61. Касаясь второго аспекта, Специальный докладчик, заявив сначала о том, что он считает Венскую конвенцию полезным вдохновляющим источником для рассмотрения этой темы, сделал оговорку, сославшись на заявление, приводимое в пункте 18 его доклада, в котором Комиссия имплицитно предостерегла от слишком близкого

следования Конвенции, поскольку между правом договоров и правом, касающимся односторонних актов, как они определены в его докладе, имеются существенные различия. Несмотря на мнения некоторых делегаций в Шестом комитете, сводящиеся к тому, что между правом договоров и правом, касающимся односторонних актов, нет никаких параллелей, можно сказать, что после того, как тот или иной односторонний акт надлежащим образом сформулирован и признан в качестве могущего быть принудительно осуществленным, он подпадал бы под все или некоторые правовые последствия, которые могут быть свойственны договорному акту, включая действительность, компетенцию, ничтожность, отзыв, добросовестность и толкование. Вместе с тем он отослал членов Комитета к докладам, полученным от государств в отношении темы односторонних актов.

62. Что касается вопроса об эстоппеле, то его делегация согласна с мнением Специального докладчика о том, что эстоппель не имеет никакой связи с односторонними актами. Существует очень большая разница между акцией, которая может породить эстоппель, и акцией, которая может привести к одностороннему акту, как это показал Специальный докладчик в пункте 27 своего доклада.

63. В части первой его доклада Специальный докладчик рассмотрел трудности, сопряженные с формулировкой надлежащего правового определения фразы «односторонние акты государств». Он рассмотрел различные элементы, все из которых фигурируют в нынешнем проекте статей, а после этого попытался улучшить редакцию статей в свете обсуждений в Шестом комитете и письменных замечаний правительств. Что касается намерения государства-автора, то Специальный докладчик пришел к выводу о том, что намерение автора произвести правовые акты является решающим моментом и что в связи с этим все другие политические акты государств не следует включать в рамки этой темы. Комиссии следует оказать поддержку Специальному докладчику в этом вопросе.

64. Что касается применения термина «акт», то Специальный докладчик обосновал применение им этого, а не предыдущего термина «одностороннее заявление», тем, что, как он утверждает, делегации

выразили свою озабоченность в Шестом комитете, хотя он признал, что большей частью, если не полностью, односторонние акты формулируются в заявлениях и в исключительных случаях облекаются в форму коммюнике или пресс-релизов. Он употребил термин «акт», идя навстречу пожеланиям значительного числа тех, кто считает этот термин более широким и менее ограничительным. Тем не менее его доводы неубедительны, поскольку в этом новом определении односторонних актов по-прежнему не идет речь о той форме, в которой этот акт можно было бы произвести. Односторонний акт не может существовать в вакууме; он нуждается в том, чтобы он был облечен в какую-то форму. Его делегация считает, что практика государств, прецеденты и мнение предыдущего докладчика сэра Джеральда Фицмориса подтверждают необходимость выражать односторонний акт в какой-то конкретной форме. В этой связи новая формулировка определения в проекте статьи 1 не дает удовлетворительного решения проблем, которые она порождает.

65. Касаясь замечаний Специального докладчика относительно правовых последствий односторонних актов (A/CN.4/505, пункты 48–59), он говорит, что приведенные примеры практики государств и прецеденты, как представляется, были отобраны в расчете на то, чтобы поддержать доводы Специального докладчика в пользу его предпочтения фразе «вызывать правовые последствия», употребляемой в новой редакции статьи 1 в рамках данной темы. Вместе с тем многие из упомянутых дел скорее касаются режима договоров, чем односторонних актов.

66. Под заголовком «Самостоятельность» односторонних актов» (пункты 60–69) Специальный докладчик рассмотрел существенно важный вопрос независимости подобных актов. В этой связи его делегация поддерживает включение слова «самостоятельный» в определение одностороннего акта, однако оратор не соглашается с, по его мнению, довольно радикальным заявлением, содержащимся в пункте 69 доклада Специального докладчика, о том, что, хотя термин «самостоятельный» не включен в новое определение, представленное в его третьем докладе, можно было бы полагать, что эти акты носят независимый характер.

67. Он решительно выступает за сохранение термина «недвусмысленное» в определении односторонних актов и соглашается со Специальным докладчиком в том, что сам по себе этот термин следует увязать с волеизъявлением.

68. По вопросу о публичности он соглашается с тем, что публичность также является существенным элементом в определении односторонних актов, и отмечает, что фраза «сформулированное публично», содержащаяся во втором докладе Специального докладчика, была заменена Комиссией на фразу «сообщенное адресату или иным способом доведенное до его сведения». Он не видит никаких оснований для изменения предыдущей формулировки и выступает за ее сохранение, особенно ввиду того, что эту формулировку поддержали делегации в Шестом комитете в прошлом году.

69. Он поддерживает исключение предыдущего проекта статьи 1 о сфере применения проектов статей по соображениям, изложенным в пунктах 81–85 доклада, и находит абсолютно приемлемым новый проект статьи 2 о правоспособности государства формулировать односторонние акты.

70. Касаясь нового проекта статьи 3 о лицах, правомочных совершать односторонние акты от имени государства, в том виде, в котором он предложен Специальным докладчиком в его докладе (пункт 115), он говорит, что пункт 1 этой статьи, который базируется по аналогии на нормах Венской конвенции о праве договоров, представляется, несомненно, приемлемым; вместе с тем ему трудно дать согласие на пункт 2, поскольку он дан в слишком общей редакции и мог бы породить нестабильность правовых норм. Он склоняется к тому, чтобы ограничить категории лиц, которые могут формулировать односторонние акты от имени государства, главами дипломатических миссий и министрами, обладающими действительными полномочиями от своих государств, разрешающими им формулировать конкретные односторонние акты лишь для конкретных целей. Благодаря этому было бы проведено действительное различие между общей правомочностью трех категорий лиц в пункте 1 (главы государств, главы правительств и министры иностранных дел) и более ограниченной правомочностью категории лиц в пункте 2.

71. Что касается статьи 4 о последующем подтверждении акта, совершенного лицом, не имеющим на то правомочия, то он говорит, что новый текст не соответствует ограничительному подходу, который он уже изложил. Представляется сомнительным, чтобы односторонний акт, сформулированный неправомочным лицом, впоследствии мог быть утвержден государством этого лица.

72. По вопросу об «умолчании» и односторонних актах он согласен с аргументами Специального докладчика (пункты 126–133) о том, что умолчание не может быть независимым волеизъявлением, поскольку оно является реакцией на ранее существовавший акт или ситуацию. Он считает, что умолчание связано с принципом эстоппеля и не подпадает под сферу охвата темы.

73. Новый проект статьи 5 о недействительности односторонних актов (пункт 167) касается вопроса о ссылке государства на недействительность одностороннего акта и близко следует Венской конвенции о праве договоров. Вместе с тем, ввиду существенных различий между режимом права договоров и режимом односторонних актов он сомневается относительно применимости *mutatis mutandis* норм толкования, применимых к причинам, порождающим недействительность договоров в рамках режима права договоров, к тем же факторам или причинам, перечисленным в этой статье в качестве основы для признания недействительными односторонних актов.

74. **Г-жа ди Фелисе** (Венесуэла) приветствует тот факт, что Комиссия международного права в полной мере приняла во внимание изложенные в письменном виде и устно мнения правительств в Шестом комитете. Это придало удовлетворительную сбалансированность работе Комиссии над вопросами, рассматриваемыми Комитетом.

75. На своей пятьдесят второй сессии Комиссия значительно продвинулась вперед в своем обсуждении темы дипломатической защиты, хотя она и сосредоточила свое внимание на теме международной ответственности, что не позволило адекватным образом заняться другими темами, также заслуживающими тщательного рассмотрения. При всей несомненности связи между дипломатической защитой и правами человека оба

эти вопроса следует рассматривать сбалансировано, с тем чтобы избежать тенденции к смешиванию дипломатической защиты с правами человека в целом. Специальный докладчик представил проекты статей, включающие важные элементы, которые в целом будут приняты Комиссией, и стоит надеяться, что Редакционный комитет, в который были переданы некоторые эти статьи, сможет рассмотреть их в следующем году и направить их на рассмотрение в Шестой комитет.

76. Представленное Специальным докладчиком в проекте статьи 1 определение в целом представляется приемлемым; вместе с тем, вторая альтернативная формулировка этой статьи, представленная в Редакционный комитет, была бы более ясной и точной. Ее делегация в полной мере согласна с тем, что дипломатическая защита является длительным и сложным процессом, в котором государство представляет физических или юридических лиц в их исках к другому государству. Важно, чтобы формулировки соответствовали формулировкам статей, касающихся международной ответственности.

77. Она не считает необходимым делать конкретную ссылку в статье 1 на мирные средства разрешения споров, чтобы развеять сомнения, которые могла бы вызывать статья 2 о запрещении угрозы силой или ее применения в контексте дипломатической защиты.

78. Что касается представленной Специальным докладчиком статьи 2, то она считает, что ее формулировка должна ясно запрещать применение силы в контексте дипломатической защиты. Введение возможности применения силы в этом контексте не только опасно, но и противоречит тенденции, наблюдающейся в международных отношениях и в самом международном праве. Применение силы государством в целях дипломатической защиты гражданина следует безоговорочно запретить. Кроме того, право дипломатической защиты принадлежит государству, а не индивиду, что ясно установлено международным прецедентным правом.

79. Связь между гражданином и государством имеет основополагающее значение, хотя этот принцип, возможно, и не применяется одинаковым образом во всех случаях. Представляется необходимым проводить различия между случаями

приобретения гражданства по рождению или в порядке натурализации.

80. Интересно отметить, что в проектах статей рассматривается ситуация апатридов и беженцев и их право на защиту в некоторых обстоятельствах. Она считает приемлемым, чтобы государство оказывало защиту лицу, которому оно предоставило статус апатрида или беженца. В тексте следует оговорить условия, в которых государство могло бы осуществлять дипломатическую защиту в таких случаях.

81. Доклады Специального докладчика внесли большой вклад в кодификацию и прогрессивное развитие международного права, касающегося односторонних актов государств. Хотя эта тема представляется трудной, прогресс возможен, если государства проявят политическую волю и согласуют текст, который вносит требуемую ясность в межгосударственные отношения. Несмотря на разнообразность таких односторонних актов, что делает невозможным выработку общих норм, которые применяются ко всем, есть определенные общие аспекты, касающиеся, в частности, действительности международных актов, причин недействительности и других тем, к которым могли бы применяться общие нормы, применимые ко всем подобным актам. Представляется существенно важным, чтобы Комиссия попыталась классифицировать односторонние акты, с тем чтобы облегчить выработку более систематического подхода к этому вопросу. Усложняющим фактором является вопрос практики государств, в отношении которого от государств требуются дальнейшие уточнения.

82. Как представляется, новая редакция статьи 1 снимает озабоченности некоторых членов Комиссии и некоторых правительств в Шестом комитете, а поэтому могла бы служить в качестве основы для текста в целом. В заключение она говорит, что Комиссии следует тщательно изучить вопрос о недействительности односторонних актов и подумать над включением положения, касающегося условий их действительности.

83. Г-н Энят (Исламская Республика Иран) приветствует обсуждение Комиссией проекта статей о дипломатической защите и ее решение передать пять из них в Редакционный комитет. Проект статьи 1 поднимает ряд важных вопросов. В

пункте 1 фраза «дипломатическая защита означает меры, принимаемые одним государством» может вызвать затруднения, поскольку дипломатическая защита не является «мерами», а связана с инициацией процесса, которым иск гражданина трансформируется в международно-правовую процедуру. Что касается значения «вреда», то если иностранец затрагивается нарушением или неправильным применением внутрисударственного права и в рамках национальных судов нет никакого средства судебной защиты, то это может иницировать процедуру компенсации вреда в рамках международного права. В связи с этим понятие дипломатической защиты следует толковать в том же смысле, в котором оно толкуется в классическом международном праве, и в соответствии с практикой государств. Доклад выдержан в духе защиты прав человека, что поддерживается оратором, однако право на осуществление дипломатической защиты принадлежит государству гражданства. Это нельзя путать с механизмами защиты прав человека. Проекты статей следует основывать на принципе суверенного равенства государств и их обязанности защищать права и имущество своих граждан. Функциональная защита, осуществляемая международными организациями от имени тех, кто к ним обращается, является отдельным вопросом и должна обсуждаться на другом форуме.

84. Он поддержит исключение пункта 2 проекта статьи 1.

85. Он предлагает исключить в проекте статьи 2 весь текст, следующий после вступительного заявления «Угроза силой или ее применения запрещена как средство дипломатической защиты». Это предложение навеяно историей применения силы, предположительно в целях дипломатической защиты. Понятие гуманитарной интервенции не должно быть допущено в сферу дипломатической защиты, даже под прикрытием прав человека. Оно было изобретено в прошлом столетии в качестве инструмента великих держав, когда запрещение применения силы еще не было принято в качестве принципа международного права. С другой стороны, его делегация может согласиться с предложенной несколькими членами Комиссии формулировкой проекта статьи X, гласящей: «Дипломатическая защита является

международным мирным институтом, который исключает обращение к применению силы или угрозу ее применения, а также вмешательство во внутренние или внешние дела государства».

86. Он предлагает включить в первое предложение проекта статьи 3 после слова «право» слова «и свободу действий» и исключить полностью второе предложение. Он затрудняется принять проект статьи 4, который вступает в коллизию с дискреционным осуществлением дипломатической защиты и с обычным правом. В проект статьи 5 следует включить упоминание требования об исчерпании местных средств судебной защиты. Согласно пункту 471 доклада, действительный вопрос состоит в том, утрачивает ли государство гражданства право на защиту индивида, если этот индивид обычно проживает в другом месте. Ввиду дискреционности права государства осуществлять дипломатическую защиту индивид, который не приобрел гражданство государства местожительства, не имеет права использовать в этих целях к своему преимуществу факт своего проживания, и это справедливо, независимо от характера связей, поддерживаемых с этим государством.

87. Что касается проекта статьи 6, то, по его мнению, норма, закрепленная в международном обычном праве, заключается в том, что дипломатическая защита не может осуществляться против государства в отношении его собственных граждан. Такова также норма, закрепленная в статье 4 Гаагской конвенции о некоторых вопросах, касающихся коллизии законов о гражданстве, 1930 года. В статье 46 (1) Европейской конвенции о консульских функциях 1967 года предусматривается защита апатридов, за исключением случаев, когда они являются бывшими гражданами государства-ответчика. Он не согласен с заявлением, сделанным в пункте 472 доклада Комиссии, о том, что источники самого последнего времени поддерживают норму, предложенную в проекте статьи 6. Он не согласен также с Комиссией и в том, что решения Трибунала по урегулированию взаимных претензий Ирана и США являются свежими источниками для эволюции норм, применяющихся к дипломатической защите. В случаях двойного гражданства большинство решений Трибунала основывалось на толковании договора, а не на дипломатической защите, и

проводилось ясное различие между ними. В отношении дела № 18 было заявлено, что применимость статьи 4 Гаагской конвенции 1930 года к претензиям граждан, имеющих двойное гражданство, является спорной, поскольку по своим собственным положениям она применяется лишь к дипломатической защите, осуществляемой государством. Как поясняет Специальный докладчик в пункте 154 своего доклада, имеется мало примеров нынешней практики государств, касающейся дипломатической защиты граждан с двойным гражданством от другого государства, гражданами которого они также являются. Европейская конвенция о гражданстве 1997 года не склоняется в пользу ни той, ни другой стороны.

88. Проект статьи 7 отражает норму, закрепленную в статье 5 Гаагской конвенции 1930 года и в последующих прецедентах, а именно норму, гласящую о том, что государство преобладающего гражданства индивида может осуществлять дипломатическую защиту от его или ее имени. Вместе с тем она не выходит за рамки того, о чем уже говорится в проекте статьи 5. Что касается совместного осуществления дипломатической защиты двумя или более государствами гражданства, то он указывает, что государство-ответчик может стремиться к осуществлению принципа преобладающего гражданства и отказать одному из государств-истцов в праве на дипломатическую защиту.

89. Что касается проекта статьи 8, то он полагает, что вопрос беженцев и апатридов не нашел признания в международном обычном праве. В пункте 16 Приложения к Конвенции о статусе беженцев 1951 года предусматривается, что выдача проездных документов по Конвенции не дает дипломатическим или консульским властям страны выдачи права на защиту. Это означает, что даже если национальное законодательство государства места жительства беженца признает право на дипломатическую защиту в отношении его самого, то это законодательство не может быть применено к другим странам. Административная помощь, упомянутая Специальным докладчиком в пункте 178 его доклада, никак не связана с вопросом дипломатической защиты. Статья 2 Международного пакта о гражданских и политических правах не накладывает на государства-участники никакого обязательства

осуществлять свое право дипломатической защиты. Кроме того, как заявляет Специальный докладчик в пункте 183 своего доклада, это право в редких случаях осуществлялось бы в отношении беженцев и апатридов. В связи с этим он считает, что проект статьи 8 следует исключить.

90. **Г-н Хусейн** (Ирак) говорит, что определение сферы применения дипломатической защиты в пункте 419 доклада Комиссии и в статье 1 проекта статей, как представляется, оставляет принятие решения о мерах, которые должно предпринять государство в отношении другого государства в случае нанесения вреда одному из его граждан, на усмотрение этого государства. Вместе с тем в правовом отношении правильная позиция состоит в том, что, когда государство исчерпало местные средства судебной защиты, ему следует прибегать к международным судам для решения вопроса об ответственности государства. Его делегация соглашается со многими другими делегациями, которые высказали мнение о том, что применение вооруженной силы для целей дипломатической защиты противоречит принципам международного права, в частности статье 51 Устава Организации Объединенных Наций, которая запрещает применение силы, за исключением самообороны.

91. После анализа проекта статьи 2 его делегация пришла к выводу о том, что он противоречит Уставу, поскольку разрешает применение силы в некоторых условиях, в частности в том случае, когда государство утверждает, что оно защищает одного из своих граждан. Это положение, как представляется, является попыткой включить политически мотивированные идеи, которые не имеют никакой связи с международным правом и могут привести к возобладанию силы над правом.

92. Он соглашается с теми делегациями, которые подчеркнули важность укрепления принципа прав человека, направления, в котором международное сообщество достигло больших успехов. Вместе с тем, утверждение о том, что применение силы является законным для защиты принципов прав человека, противоречит самим этим принципам и является попыткой использовать подобные соображения для достижения конкретных политических целей. Расширение понятия дипломатической защиты, с тем чтобы оно включало вопрос о правах человека, лишило бы

понятие дипломатической защиты его правового характера.

93. Обращаясь к теме оговорок к договорам, он говорит, что эта работа внесла позитивный вклад, позволив ратифицировать целый ряд договоров всеобщего характера. В этой связи наблюдающаяся в последнее время тенденция в пользу ограничения применения оговорок или невключения положений в международные договоры, позволяющих государствам делать оговорки, могла бы ограничить универсальность договоров и побудить государства делать больше толковательных заявлений, что привело бы к путанице в отношении правовой силы подобных заявлений. Тщательная подготовительная работа имеет существенно важное значение для выработки всеобъемлющих договоров, с которыми могли бы согласиться все государства. В ходе подготовительных переговоров представляется необходимым учитывать интересы всех государств и сближать их точки зрения, особенно в случае конвенций, касающихся прав человека.

94. Существуют многочисленные правовые затруднения в отношении того, чтобы рассматривать односторонние акты в качестве одного из источников международного права, и представляется непозволительным, чтобы государства навязывали свои собственные односторонние правовые акты другим государствам. Принятие Генеральной Ассамблеей проекта резолюции, содержащегося в документе A/55/L.9/Rev.1, официально озвучит обеспокоенность международного сообщества в отношении введения принудительных экономических мер, принятых некоторыми государствами в качестве средства оказания политического давления на другие государства, практики, не имеющей никакого основания в международном праве.

95. Одной из форм одностороннего акта является вопиющее нарушение международного права, а именно введение двумя постоянными членами Совета Безопасности односторонних мер против Ирака, выразившихся в установлении запретных для полетов зон в северном и южном регионах страны и в постоянных бомбардировках с воздуха под политическими предлогами, не имеющими никакого правового обоснования. Представленный Специальным докладчиком новый проект статьи 5 о недействительности односторонних актов

применим к подобным актам, которые также представляют собой непрекращающуюся агрессию против его страны.

96. **Г-жа Телалян** (Греция) говорит, что она согласна с мнением Комиссии о том, что дипломатическая защита является институтом непреходящей ценности и может рассматриваться в качестве одного из инструментов защиты прав человека. Вместе с тем она предназначается лишь для защиты собственных граждан государств и ее осуществление зависит от свободного волеизъявления соответствующего государства. Будущая работа над этой темой должна быть сосредоточена на практических предложениях по обеспечению большей приемлемости этого института для государств в качестве механизма мирного разрешения споров в отношении обращения с иностранцами.

97. В проекте статьи 1 дипломатическая защита определяется в традиционных терминах как дискреционное право государства гражданства. Это не вступает в коллизию с интересами индивида. Тем не менее, термин «меры» в контексте дипломатической защиты мог бы включать обращение к угрозе силой или ее применения, и она выступает против такого подхода. Осуществление дипломатической защиты следует ограничить мирными методами и регулировать нормами общего международного права и Устава Организации Объединенных Наций. В связи с этим она приветствует решение Комиссии исключить проект статьи 2. В проекте статьи 1 не должно быть никакой двусмысленности в отношении запрета на применение силы. В пункте 1 проекта статьи 1 следует отразить фундаментальные основы принципа дипломатической защиты, которые широко признаны государствами и уже составляют часть международного обычного права. Употребление термина «бездействие» могло бы вызвать путаницу. В остальном она соглашается с подходом, заключающимся в том, что дипломатическая защита может инициироваться лишь применительно к международно-противоправному деянию, которое причинило вред гражданину конкретного государства. В проекты статей следует включить обычно-правовое требование исчерпания местных средств судебной защиты, подтвержденное Международным Судом по делу «Интерхандель».

98. Международное обычное право также требует наличия связи гражданства с государством-истцом, что вызывает затруднение в случае двойного или множественного гражданства, если государство-ответчик является государством второго гражданства. Результатом применения этой нормы в статье 4 Гагской конвенции 1930 года может стать вообще лишение индивида дипломатической защиты. Вместе с тем за прошедший с того времени период появился принцип эффективного или преобладающего гражданства, как это можно видеть на примере дела № 18 Трибунала по урегулированию взаимных претензий Ирана и Соединенных Штатов и дела «Mergé», разбиравшегося в Комиссии Италии и Соединенных Штатов по примирению. Исходя из этого проект статьи 6 включает в себя принцип эффективного и преобладающего гражданства и отбрасывает принцип отсутствия ответственности, что является таким подходом, с которым она полностью согласна. Она также согласна с содержанием проекта статьи 7, который также основывается на принципе эффективного и преобладающего гражданства и на прецедентном праве последнего времени, а также на положениях статьи 5 Гагской конвенции 1930 года, которые пользуются единодушным признанием. Вместе с тем было бы, пожалуй, нецелесообразным сохранять проект статьи 5. Условия приобретения гражданства не имеют ничего общего с установлением наличия связи по линии гражданства в целях дипломатической защиты. Некоторые руководящие принципы в отношении требуемого элемента добросовестности при предоставлении гражданства можно было бы взять из дела «Nottebohm». В пункте 2 проекта статьи 1 наблюдается отход от требования наличия связи с государством гражданства, которое содержится в международном обычном праве и практике государств в области дипломатической защиты. Данное положение в этом пункте необязательно пошло бы на пользу апатридам и беженцам.

99. Обращаясь к теме односторонних актов государств, она соглашается с предложением о том, чтобы ограничить сферу охвата этой темы, сосредоточив внимание на актах государств, которые порождают правовые последствия. В проекте статьи 1 Комиссия предлагает интересное определение односторонних актов, однако намерение государства-автора не должно быть

единственным критерием для определения обязательности последствия одностороннего акта; должны также учитываться и ожидания, создаваемые этим актом. Другие поднятые Специальным докладчиком вопросы требуют тщательного изучения на будущих сессиях Комиссии. В пункте 621 доклада Комиссии содержатся полезные предложения в отношении ее будущей работы над этой темой.

Заседание закрывается в 13 ч. 08 м.